Ментальные аспекты лингвистической реконструкции (на материале «Гетики» Иордана)

Ю. М. Трофимова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Саранск, Россия*

Аннотация

Статья имеет целью установление некоторых черт остготского языка VI в., которые доступны для наблюдения в латинском тексте «Гетики». Исследовательская посылка основана на том факте, что текст написан готом на неродном языке и что влияние родного языка должно проявить себя в соответствии с законами интерференции. Это влияние выявляется на довербальном уровне с опорой на понятия текстового менталитета и текстовой ментальности в аспекте прогнозируемого расширения правил лингвистической реконструкции. Обоснование ментальных основ лингвистической реконструкции осуществляется в статье на базе текстовой образности, особенно чувствительной к влиянию национального менталитета. Анализ выявил достаточно ограниченный в своем диапазоне характер образности, соотносящейся с немногочисленными сферами внешней действительности: человек, растительный, животный мир, неодушевленные предметы, природа и очень редкие абстрактные понятия. Поскольку латинская вербализация практически всех перечисленных сфер обнаруживает готские лексические соответствия, зафиксированные в Готской Библии, рассмотрение текстовой образности «Гетики» завершается построением языковой картины мира в том ее реконструируемом виде, который мог быть свойствен текстовому уровню остготского языка VI в. Новизна статьи заключается в развитии практики лингвистической реконструкции в соответствии с современными подходами в языкознании, наиболее продуктивными и популярными в сфере когнитивной лингвистики, активно оперирующей понятиями менталитета и ментальности. Новым является и предложенный способ реконструкции текстовых явлений. Актуальность статьи определяется обращением к историческому текстовому материалу, позволяющему установить истоки современных явлений, характерных для процесса текстопостроения, активно изучаемого на базе разных языков и типов текста.

Ключевые слова

остготский язык, латинский язык, текстовый менталитет, текстовая ментальность, языковая личность, лингвистическая реконструкция, текстовая образность, языковая номинация, довербальный уровень текста

Для цитирования

Трофимова Ю. М. Ментальные аспекты лингвистической реконструкции (на материале «Гетики» Иордана) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 115–124. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-115-124

Linguistic Reconstruction and Its Mental Foundations (Based on Jordanes' *Getica*)

Yulia M. Trofimova

*Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russian Federation*

Abstract

The article is aimed at revealing some peculiarities of the Ostrogothic language of the 6th century which are preserved in the Latin text of the *Getica* on the mental level of text formation. This text being written by a Goth who was not a native Latin speaker is sure to contain some Ostrogothic language features accessible for observation due to the phenomenon of linguistic interference. Mother tongue inevitably influences the process of text formation when it is car-

ried out in a foreign language and the manifestations of its realization can be traced in accordance with the principles of linguistic reconstruction.

Purpose. The idea of the article is to show that the procedure of linguistic reconstruction can be enlarged according to the achievements of contemporary linguistics comprising the theory of text and its mental foundations such as textual mentality. The article deals with one of the reconstructed manifestations of the Ostrogothic language of the 6th century, i.e. Jordanes' tropology. Tropology seems to be most sensitive to mental interpretation resulting in its specific realization in the text. It is stated that the tropology of the Latin text of the *Getica* is conditioned by the native Gothic mentality and could have been equally verbalized with the help of the corresponding Gothic lexical equivalents in case Jordanes wrote the *Getica* in Gothic. This type of mentality according to the article is located on the preverbal level of text formation showing that the author when describing a non-verbal situation selects some important from his/her viewpoint elements of the situation and verbalizes them by means of lexical resources of the language he/she uses. Jordanes' tropology as is evident from the article can be evaluated as his choice of the elements of the imaginative description of a text situation.

Results. The analysis shows that Jordanes' tropology is rather restricted in its scope and comes to an inconsiderable in number outer world spheres, i.e. human body, vegetative resources, non-animated objects, facts relating to animals, landscape, water, few natural elements such as lightning, storm and very few abstract phenomena. The point is that nearly all the Latin lexemes used by Jordanes as the foundation of his tropology have Gothic lexical equivalents found in the Gothic Bible which up to the present moment remains the only source of the Gothic language material. The Gothic lexemes equivalent to the Latin text variants are represented in the article in the form of a certain structure relating to the so-called language world picture which could underlie the imaginative manner of interpreting the outer world the by Gothic native speakers and Jordanes in particular.

Conclusion. It is emphasized in the article that the described level of Jordanes' tropology may primarily be indicative of his lingual personality, but on the other hand his lingual personality cannot be isolated from the speech practice characteristic of the Ostrogothic language of that period. The facts stated in the article are to be accepted as one of the spheres of the Gothic text formation inherent in its natural mode of functioning since the Gothic Bible being a word-for-word translation from the Ancient Greek is not illustrative in this regard.

Keywords

The Ostrogothic language, the Latin language, textual mentality, lingual personality, linguistic reconstruction, tropology, lingual nomination, preverbal text level

For citation

Trofimova, Yulia M. Linguistic Reconstruction and Its Mental Foundations (Based on Jordanes' *Getica*). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 115–124. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-1-115-124

Введение Лингвистическая реконструкция в контексте понятий менталитета и ментальности

Ограниченный объем сохранившихся текстов на готском языке предрасполагает к поиску каких-либо новых, еще неопробованных источников изучения готской языковой специфики, доступной для установления в силу разработанности положений современной лингвистики. Интерес в этой связи вызывает труд Иордана «Гетика» [Иордан, 1960], который написан на латинском языке, но написан готом, жившим в среде, где готский язык еще бытовал в активном употреблении.

Лингвистический анализ текста предполагает непосредственное апеллирование к личности автора, однако в этом случае все факты такого рода оказываются весьма приблизительными. На основе различных умозаключений, сопоставлений и выводов историками и лингвистами были предположительно установлены некоторые факты его биографии и литературной деятельности. С другой стороны, одно немаловажное обстоятельство, которое непосредственно его касается и о котором Иордан сам сообщает в своем труде, уже более века является предметом активной дискуссии. Эта фраза помещена в самом конце «Гетики», где Иордан заверяет читателя, что не прибавил ничего лишнего в пользу племени готов, из которого происходит (*{316} nec me quis in favorem gentis praedictae, quasi ex ipsa trahenti originem, aliqua addidisse credat*).

Данный факт некоторыми исследователями признается достаточным, чтобы считать Иордана готом, однако еще в XIX в. возникло предположение, что он был аланом. Вопрос о его этнической принадлежности дискутируется по сей день, и различные доводы все еще приводятся. Иногда они представляют собой некий третий вариант интерпретации упомянутого факта, как, например, у Д. С. Конькова, который выразился так: «Иордан в этом смысле может утверждать свое происхождение от готов, но себя при этом к готам не причисляет, его высказывание свидетельствует только о наличии готов среди его предков» [Коньков, 2012. С. 71].

В нашем случае доля аланской крови в венах Иордана, если таковая и была, не имеет значения. Важно лишь то, какой язык был для него родным: готский или аланский. Чем же важен этот момент в данном случае? Не чем иным, как языковой способностью Иордана.

Х. Ф. Массманн, активно пользовавшийся готским языком и даже писавший на нем стихи, не избежал критики со стороны лингвистов, отметивших, что одно из сочиненных им готских предложений «продумано по-немецки» («*Sein gotischer Satz ist deutsch gedacht...*» – Его готское предложение продумано по-немецки...) [Peeters, 1980. S. 204]. К. Петерс тонко подметил влияние родного языка на производимые опыты с чужим (особенно мертвым) языком. Сейчас это явление именуется интерференцией, которая чаще всего выявляется на уровне текста.

От вывода Петерса остается сделать только один шаг к популярным в современной лингвистике понятиям менталитета и ментальности, поскольку фраза *deutsch gedacht* явно предполагает ментальные основы текста. Однако в связи со сказанным закономерен вопрос: а если «Гетика» была *gotisch gedacht*, т. е. «продумана по-готски»? Выделимы ли в принципе ментальные основы латинского текста Иордана, унаследованные от готской языковой ментальности?

Термины «ментальность» и «менталитет» иногда употребляются как синонимы, но чаще они дифференцируются, получая у разных авторов не вполне идентичные интерпретации.

Из всех имеющихся определений ментальности наиболее оптимальной нам представляется ее трактовка у В. В. Колесова, по мнению которого ментальность заключает в себе «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, а также способность истолковывать явления как их сущности» [2006. С. 13]. Способность истолковывать – это именно то, на что следует нацеливаться при комментировании латинского текста Иордана, конкретизируя при этом ментальность именно как текстовую.

Менталитет как понятие по преимуществу рассматривается вне лингвистики. Иногда лингвисты даже заявляют о непричастности лингвистики к данному феномену. Было, например, высказано мнение, что менталитет, в принципе, сфера не лингвистики, не психолингвистики, не когнитивной лингвистики, а социальной и национальной психологии [Попова, Стернин, 2015. С. 17]. Тем не менее, в этой же работе содержится и авторское, уже собственно лингвистическое, понимание менталитета, который представляется как специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей [Там же. С. 13].

Следует подчеркнуть, что в изучении любых проявлений менталитета, зафиксированного текстами на древних языках, роль лингвистики, тем не менее, весьма значительна, так как все факты, касающиеся менталитета этноса, могут устанавливаться лишь при помощи дошедших до нас текстов, созданных на этих языках. Нельзя не согласиться с мнением Е. М. Масленниковой, отметившей, что главным источником, обеспечивающим «выход» на национальные образы мира, был и остается текст [2008. С. 105]. Однако в целом понятие менталитета действительно следует отнести к более отвлеченным концептуальным сферам, реализующим специфический способ интерпретации действительности, свойственный отдельной личности, социальной или этнической группе людей. В статье акцент ставится на этнической группе,

а именно готской прослойке Остготского королевства VI в. (гот. *Ostrogotans þiudangardi*), и на характерном для нее менталитете, в той или иной форме отразившемся в тексте «Гетики». В этой связи и в этом ракурсе менталитет можно квалифицировать и как текстовый.

С этих позиций далее и рассматривается текст Иордана, с переносом рассуждений о менталитете и ментальности в сферу национально детерминированных моделей и приемов конструирования текста, которые определяют процесс его создания. Именно этот момент составит главный интерес при комментировании труда Иордана с лингвистической точки зрения, а также с позиции того, насколько возможно выделить текстовый менталитет и текстовую ментальность Иордана на базе его латыни и определить, в какой мере они оказываются *gotisch gedacht*.

В этом плане допустимо заявить об особой сфере лингвистической реконструкции, которая традиционно понимается лишь как комплекс приемов и процедур воссоздания незасвидетельствованных языковых состояний и которая всегда ориентировалась лишь на восстановление праязыковых явлений. Однако для современной лингвистической реконструкции характерен также переход от реконструкции отдельных форм и элементов к уровневой реконструкции, что позволяет вплотную подойти и к реконструкции текста (в индоевропеистике – архаичный поэтический язык, язык права, мифологии и т. п.) [Нерознак, 1990. С. 409].

Для готского языка данное обстоятельство имеет особое значение. Дело в том, что единственным источником сведений о готском языке остается Готская Библия, т. е. переведенный в IV в. вестготским епископом Вульфиллой текст Писания с древнегреческого языка. Поскольку перевод Готской Библии представляет собой пословное следование оригиналу, то можно заключить, что о текстовом уровне готского языка, характерном для его естественного функционирования, мы ничего не знаем. Ментальные основы лингвистической реконструкции, обусловленные интерференцией родного языка, простирающейся сквозь латинскую вербализацию, и свидетельствующие, таким образом, о готской языковой ментальности, в состоянии указать на некоторые черты свойственного готскому языку текстопостроения, которые отразились в латинском тексте «Гетики».

Текстопостроительные характеристики «Гетики» как основа ее образности

«Гетика» в аспекте текстопостроения

Еще в конце XIX в. Ф. Вреде установил, что остготский диалект VI в. (как он его поименовал) в фонетическом отношении демонстрирует более молодое состояние, нежели язык Готской Библии («*keinen bedeutend jüngeren und entwickelteren Lautstand als der bibelgotische*») [Wrede, 1891. S. 200]. По всей вероятности, такое заключение будет справедливым и для других уровней остготского языка VI в., в том числе и для текстового. Для целей настоящего исследования целесообразно исходить из признания текста самостоятельным уровнем языка. То, что текст является языковым уровнем, отмечалось в лингвистике неоднократно. У этого положения, однако, больше противников, нежели сторонников. Текст в подавляющем числе случаев продолжают локализовать на уровне речи. Не вдаваясь в подробности дискуссии, отметим только, что реально существующая возможность типизации текстовых структур позволяет предположить, что текст может рассматриваться и как самостоятельный уровень языка.

Исходя из признания текста самостоятельным уровнем языка, можно рассматривать текстовые явления «Гетики», делая акцент на особенностях несохранившегося древнего (как родного) языка, отразившихся в языке, принятом в соответствующем социуме, в данном случае в латинском.

Латынь Иордана изучена исключительно подробно как с точки зрения его стиля, так и с позиции конкретных языковых аспектов. Общим местом всех исследований является самая негативная оценка латинского языка «Гетики», который всем, привыкшим к классической латыни, всегда казался грубым и почти варварским («*uncouth and almost barbarous*»)

[Mierow, 1915. P. 16]. Но иногда ситуацию оценивают более сдержанно, ссылаясь на то, что это неродной язык и что здесь мы имеем перегруженный стиль («un estilo recargado»), содержащий элементы разговорного, народного языка («elementos de la lengua cotidiana y popular») и риторические фразы, которые присущи возвышенному литературному стилю («un estilo mas elevado y literario») [Introducción, 2001. P. 23].

Однако подобные работы не касаются текстового уровня. К тому же Иордан и его труд редко рассматриваются в тесной связи с его литературными современниками («Jordanes and his work are rarely discussed in close relation to his literary contemporaries») [Swain, 2010. P. 247–249], что сильно снижает возможность противопоставления «Гетики» латинской текстовой ментальности того периода. Однако готская специфика «Гетики» у некоторых лингвистов не вызывает сомнения, и, в частности, А. Сёби обоснованно заявляет о наличии в «Гетике» готских элементов, как бы незначительны они ни были («the existence of Gothic elements in the text, however insignificant they may be») и уверенно говорит о наличии у Иордана «собственного голоса» («a voice of his own») [Søby, 2002. P. 484]. Собственный голос Иордана, который обнаруживается некоторыми исследователями в самых разных местах «Гетики», также может свидетельствовать об отражении в ней готской языковой ментальности.

Для многих аспектов комментирования «Гетики» с целью выявления готской части ее ментальности существенно учесть, где она была написана. На этот счет имеются разные точки зрения, но наиболее убедительной представляется позиция Е. Ч. Скржинской, доказавшей, что местом ее создания была Равенна, ставшая с 540 г. византийской [Скржинская, 1960а. С. 60–61]. Но Остготское королевство, как известно, окончательно пало в 555 г., и поэтому готский язык еще звучал там достаточно продолжительное время. Более того, король остготов Теодорих в свое длительное правление (493–526 гг.) готовил почву для того, чтобы сделать готский язык первым официальным языком Остготского королевства («prepara il terreno... all'avvento della lingua gotica come prima lingua ufficiale del suo regno») [Scardigli, 1964. P. 164]. Поэтому закономерно предположить, что Иордан находился в сфере влияния живого готского языка, и все выводы, сделанные в статье на основе изложенных выше теоретических положений, могут непосредственно касаться текстовых явлений остготского языка VI в.

Текстопостроение «Гетики» следует рассмотреть, прежде всего, с довербального уровня, а именно с того момента, когда автор в соответствии со своей текстовой ментальностью начинает отбор признаков номинируемой ситуации для ее последующей вербализации. Поскольку кроме Иордана неизвестен какой-либо другой гот VI в., писавший по-латыни, то все рассматриваемые здесь текстовые явления могут быть оценены только сквозь призму его языковой личности. С другой стороны, отмеченные выше факты довербальной специфики готского языка, характерные лишь для труда Иордана и его языковой личности, подводят к вопросу о том, насколько они были свойственны в целом готской языковой системе того периода и сколько вообще было грамотных готов, следовавших таким же нормам.

Довербальный уровень можно идентифицировать как внутреннюю форму текста и соотносить ее с проблемой языковой номинации, а в данном случае, если ее сузить, – текстовой номинации. Сущность понятия текстовой номинации заключается в том, что уровень текста вербализует внеязыковую ситуацию [Тураева, 1986. С. 22]. Продолжая высказанную З. Я. Тураевой мысль, заметим, что на уровне текста внеязыковая ситуация отображается избирательно на базе какого-то ограниченного и субъективного набора признаков, поскольку отобразить «фотографически» всю внеязыковую ситуацию, ставшую объектом авторского описания, семиотическими средствами языка невозможно. Это под силу другим семиотическим системам – живописи, кино, фотографии, но языковое описание ситуации не может быть таким подробным, иначе текстовое построение потеряет не только всякие границы, но и статус текста. Внутренняя форма текста должна пониматься лишь как понятие, соотносимое с суммой некоторых признаков внеязыковой ситуации, получивших вербализацию. Например, во фрагменте о смерти Атиллы упоминается такая деталь, как девушка с опущенным лицом,

плачущая под покрывалом. Трудно сказать, упоминалась ли соответствующая подробность в хрониках, которыми пользовался Иордан, но, думается, что *плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом* он добавил от себя, продуцируя тем самым ситуацию с признаками почти художественного текста: {254; 255} *puellamque demisso vultu sub velamine lacrimantem*.

Деталь с плачущей под покрывалом девушкой и есть признак ситуации, отображенной Иорданом в соответствии с его собственным видением излагаемого материала, т. е. текстовой ментальностью. Если же эта деталь не почерпнута из хроник, то ее можно признать чертой языковой личности Иордана, тяготеющей к мелким подробностям при вербализации внеязыковой ситуации.

Вспомним в этой связи, что говорил Иордан, создавший свою работу на базе сочинения Кассиодора, о собственных добавлениях в текст по сравнению с его трудом: {3} *addedi... mea dictione permiscens* «добавил... своими высказываниями перемешивая». Что конкретно добавил он при изложении фактов? Возможно, также и частности типа «плачущей под покрывалом девушки».

Другими словами, довербальный уровень текстопостроения в аспекте внутренней формы текста – это то, какое содержание автор имеет в виду вербализовать и какие опорные точки этого содержания (признаки внеязыковой ситуации) он имеет в виду отобразить и облечь в вербальную форму. В данном случае их латинская вербализация не заслоняет довербальной основы текста, и можно полагать, что эта структурная часть текста продиктована готской языковой ментальностью.

Образность «Гетики» как проявление готской языковой ментальности

В этом же ключе можно рассмотреть и специфическую образность Иордана, которая раскрывает особенности его менталитета с точки зрения видения им мира и его комментирования. Образность Иордана наиболее очевидна в сравнениях и метафорах. В целом образы Иордана, которые приводятся ниже, распадаются на несколько тематических групп: соматические метафоры и сравнения, фитообразы, зоообразы, неодушевленные объекты как основа сравнений, некоторые явления природы, абстрактные образы. Если оценивать каждый образ как своего рода признак внеязыковой ситуации, получивший в тексте «Гетики» латинскую вербализацию, и принимать во внимание довербальный уровень, который был «продуман по-готски» (*gotisch gedacht*), то можно полагать, что эта образность была вполне характерна для готского языка VI в., и Иордан как его носитель вполне естественно воплощал ее в латинском тексте.

Некоторые образы имеют тенденцию к повторению (чрево, утроба, рука, тело), что указывает на определенную черту языковой личности Иордана, однако используемая им при этом лексика разнообразна. Так, например, для образа чрева находим:

{46} *Danaper autem ortus grande palude, quasi ex **matre** profunditur* «Днепр великим болотом как бы из материнской утробы рождается»; {17} *unde Vagi fluvius velut quodam **ventrae** generatus in Oceanum undosus evolvitur* «откуда река Ваги, словно чревом порождаемая, в океан волнуясь катится»; {25} *Ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut **vagina** nationum... Gothi... egressi* «из этого острова Скандза как бы из мастерской племен или точнее утробы народов... вышли... готы».

Образ с рукой (*brachium* и *manus* !) также повторяется:

{18} *ex quo quasi quodam **brachio** exiente, sinu distento, Germanicum mare efficitur* «из которого (из океана) как будто какая-то выступающая рука возникает Германское море»; {172} *Africa... a rei publicae Romanae corpus gentilis **manus** abstulerat* «Африка... от тела Римского государства варварской рукой отторгнута».

Образ тела также отмечен дважды:

{261} *dividuntur regna cum populis, fiuntque ex uno **corpore** membra diversa* «отделяются королевства с народами, отпадают от единого тела разные члены»; См. также приведенный выше пример {172}.

Склонность к соматическим образам видна и в следующих примерах:

{53} *Eufratem Tigrimque navigeros ad opinionem maximam perennium fontium cupiosis fundit uberibus* «Евфрат и Тигр судоходный из обильных сосцов вечных источников изливает»; {156} *Adriaeque pelagus velut lingua porrecta a Tyrreno* «от Адриатического моря, словно язык, вытянутая до Тирренского»; {104} *morbis... quod nos ante hos novem annos experti sumus, faciem totius orbis foedavit* «мор, который мы испытали девять лет тому назад, лицо всего круга (т. е. земного) обезобразил»; {75} *in modum spinae, quem costas ut cratem intexunt* «в форме хребтовой кости, ребра которой соединены как бы в плетенке»; {106} *qui vitam solent aliorum dente maledico lacerare* «чужую жизнь злоречивым зубом разрывать».

Фитообразы у Иордана немногочисленны, они включают лист лимона, гриб, цветы:

{16} *insula magna, nomine Scandza, in modum folii cetri* «большой остров в виде листа лимона»; {30} *quae in extremis Asiae finibus ab Oceano eoroboro in modum fungi primum tenuis* «которое (появляется) на крайних границах Азии от северо-восточного океана в виде гриба»; {252} *ad Vandalarum sobulem, quae trino flore pululabat, redeundum est (вернуться)* «к потомству Вандалария, которое распустилось тройным цветком»; {316} *ex eorum latissima prata paucos flores legisse, unde inquirenti pro captu ingenii mei coronam contexta* «с их (т. е. готов) обширнейших лугов немногочисленные цветы собрал, из которых для талантливых умов венков сплел».

Неодушевленные объекты как основа сравнения ограничиваются короной, при этом образ с короной отмечен устойчивостью, он упомянут трижды, и вербализуется с помощью одной и той же лексемы:

{74} *quae patria in conspectu Moesiae sita trans Danubium corona montium cingitur* «эта страна перед Мезией через Данубий опоясывается короной гор»; {6} *pelagi ripa, quam diximus totius mundi circum, in modum coronae ambiens fines suos* «берег, который называем кругом всего мира, в виде короны, огибающий его пределы»; {34} *Dacia... ad coronae speciem arduis Alpibus emunita, iuxta quorum sinistrum latus* «Дакция... с виду короной крутых Альп огражденная».

Зоообразы антропоцентричны: лев (об Аттиле), саранча (об Атаульфе):

{212} *velut leo venabulis praesus speluncae aditus* «словно лев, рогатинами прижатый к входу в пещеру»; {159} *quid primum remanserat, more locustarum erasit* «истребил там подобно саранче, что еще оставалось».

Крайне немногочисленны образы ландшафта и природных стихий (остров, обтекаемый водами (1), волна (2), молния (3), ураган / буря (4)):

(1) {148} *haec... in modum insulae influentium aquarum* «эта [Равенна]... в виде острова, обтекаемого водами»;

(2) {143} *populosque diversarum gentium quasi fonte in uno e diversis partibus scaturiente unda* «и народы различных племен, как бы с различных сторон переливающиеся волны»;

(3) {102} *ibique dum equos exercitumque lassum refoveret, ilico Cniva cum Gothis in modum fulminis ruit* «когда он расположил на отдых лошадей и войско, налетел на него, подобно молнии, Книва с готами»;

(4) {126} *nam mox ingentem illam paludem transierunt, ilico Alpidzuros, Alcildzuros, Itimaros, Tuncarsos et Boiscos, qui ripae istius Scythiae insedebant, quasi quaedam turbo gentium rapuerunt*. «Как вскоре они {126} перешли болото, то алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, которые сидели на побережье этой самой Скифии, как ураган, народов захватили».

Один из абстрактных образов касается вопросов веры, и здесь Иордан достаточно эмоционален. Его темперамент выдает не столько лексема *perfidia* (имеющая ОНЗ, т. е. основное номинативное значение, «вероломство» и уже развившая к тому времени ЛСВ «отпадение от христианской веры»), сколько несогласованное определение к ней (*virus* «яд»), а также характеристика тех, кто поддавался арианскому вероучению: {132, 133} *qui venientes rudibus*

et ignaris ilico perfidiae suae virus infundunt «которые придя, (в сердца или души?) грубых и невежественных тотчас яд своей ереси вливают».

В другом абстрактном образе Иордан, напротив, поэтичен: {250} *Thorismud filius eius flore iuventutis ornatus* «сын Торисмунд, украшенный цветом юности».

Оставляя в стороне заимствованные образы (*малое суденышко, мелкая рыбешка, стоячие воды предков*), взятые Иорданом у Руфина вместе с целым фрагментом его работы [Скржинская, 1960а. С. 31], отметим только зоообраз *пчелиный рой*, с которым сравниваются готы, вышедшие из Скандинавии: {9} *gens... ab huius insulae gremio velut examen apium erumpens* «племня... вырвавшись, словно пчелиный рой, из лона этого острова».

Этот образ, по замечанию Е. Ч. Скржинской [1960б. С. 188], был повторен Иорданом за другими древними историками, и он всегда вспоминается при обсуждении вопроса об истонной родине готов, которой с подачи Иордана традиционно считается Скандинавия. На этот счет существует достаточно много мнений, и не все сходятся в том, что готы пришли на континент из Скандинавии, а точнее с территории современной Швеции. Однако для Иордана, как отмечают исследователи, неразрывно связаны Скандинавия как *origo* (т. е. происхождение) готов, их выход оттуда и образ пчелиного роя («Scandza, its role as the *origo* of the Goths, their permanent departure from there, and the analogy of Goths to bees are all introduced simultaneously») [Gillett, 2006. P. 154–155].

Исходя из довербального уровня текста, который детерминируется как текстовой ментальностью, так и национальным менталитетом в целом, можно в определенной мере оценить практику текстопостроения того периода, сосредоточившись на следующем вопросе. Если бы «Гетика» писалась по-готски, то может ли это означать, что ее образность была бы той же самой, и что вся разница сводилась бы лишь к использованию готских лексем вместо соответствующих латинских? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то дальнейшие рассуждения могут принять следующий вид. В целом текстовая образность Иордана имеет достаточно сниженный характер, его сравнения и метафоры ограничены лишь несколькими референтными сферами. Признавая этот их характер следствием языковой личности Иордана, тем не менее можно поставить вопрос и о традициях письменной практики носителей остготского языка в той их части, которые были достаточно образованы или хотя бы грамотны. Можно в этой связи схематично изобразить зафиксированные вербальные репрезентанты проанализированной образности в виде определенной структуры языковой картины мира, характерной для текстового уровня остготского языка того периода, тем более, что многие лексемы зафиксированы в тексте готской Библии, которые ниже приводятся в скобках.

Наиболее развернутый блок этой структуры – тело человека, упомянутое как тело (гот. *leik*), чрево (гот. *wamba, qībus, kilpei*), рука (гот. *arms, handus*), сосцы, язык (гот. *tuggo*), лицо / лик (гот. *ludja, andawleizn, andaugi, wlits, andwairpi*), хребет, зуб (гот. *tunbus*).

Что касается живой природы, то она отражена слабо: лимон, гриб, цветок (гот. *bloma*). Здесь можно заметить, что лимонный лист – это южная деталь, она не могла быть известна готам Балтики или менее южных областей их пребывания. В этом случае можно сказать, что, по-видимому, лексико-семантическая система остготского языка пополнилась лексемой *лимон*.

Остальные блоки такой структуры вербально также малочисленны: неодушевленные объекты – корона; водные массивы – вода (гот. *wato, ahwa*), волна (гот. *wegs*); явления природы – молния (гот. *lauhmuni*), ураган (гот. *skura*); абстрактные явления – вера (гот. *galaubeins*), цвет (юности).

Может возникнуть закономерный вопрос о вероятном заимствовании Иорданом текстовой образности вследствие его знакомства с позднелатинскими сочинениями, особенно при работе над «Гетикой». Если в этой связи сравнить текст Иордана с позднеримскими текстами и, в частности, с работой Павла Орозия «История против язычников», которую Иордан хорошо знал и которую неоднократно цитировал в «Гетике», то следует подчеркнуть, что

в плане образности труд Орозия абсолютно нейтрален, и единственный заметный образ представлен у него следующей метафорой:

(Книга 1. Глава 12. 1.) *At ego nunc cogor fateri, me prospiciendi finis commodo de tanta malorum saeculi circumstantia praeterire plurima, cuncta breuiare. nequaquam enim tam densam aliquando siluam praetergredi possem, nisi etiam crebris interdum saltibus subuolare.* «Но я теперь принужден, чтобы вовремя прилизиться к концу своего рассказа, многие обстоятельства того века, наполненного несчастьями, сократить. Поскольку никогда бы не смог я пройти такой густой лес, если бы часто не перепрыгивал»¹.

Упомянутый факт может стать свидетельством того, что Иордан не следовал принятым образцам текстопостроения, характерным для оригинальных латиноязычных трудов своей эпохи, но шел своим путем и, возможно, был под влиянием интерференции со стороны родного (готского) языка и характерных для него менталитета и ментальности.

Заключение

Предпринятый на базе лингвистической реконструкции анализ позволил выявить некоторые языковые особенности, которые могут расцениваться как текстовые явления, присущие остготскому языку VI в. Исследование исходило из того факта, что наше знание готского языка, ограниченное ресурсами дословного перевода готской Библии, не распространяется на текстовые явления готского языка, свойственные ему в его естественном бытовании. В силу того, что современная лингвистическая реконструкция распространяется и на восстановление текстовых явлений, представилось обоснованным восстановить некоторые из них, просматривающиеся сквозь латинскую вербализацию «Гетики» как проявление готской языковой ментальности. Восстановленные текстовые явления раскрывают характер образности, зафиксированной в метафорах и сравнениях «Гетики», которые отмечены опорой на немногочисленные сферы внешней действительности и отражают ее образное представление. В заключение сформулируем одно из возможных направлений в исследовании готского языка, вполне допустимое в силу разработанности целого ряда положений современной лингвистики. Когнитивные исследования, одним из аспектов которых является изучение ментальности и менталитета во всех их проявлениях, имеют основание развиваться на базе готского языка и принести свои плоды, что нельзя признать излишним, учитывая недостаточность дошедшего до нас готского материала.

Список литературы / References

- Иордан.** О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М.: Вост. лит., 1960. 436 с.
Jordan. Origin and deeds of the Getae. *Getica*. Moscow, Izd-vo Vostochnoy literatury, 1960, 436 p. (in Russ.)
- Коньков Д. С.** «Гетика» Иордана – готское историческое предание или конъюнктура эпохи: современное состояние изучения проблемы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 361. С. 70–73.
Konkov, D. S. Jordanes' "GETICA" – a Gothic historical legend or the conjuncture of the epoch: contemporary state of investigating the problem]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2012, no. 361, p. 70–73. (in Russ.)
- Колесов В. В.** Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
Kolesov, V. V. Russian mentality in language and speech. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2006, 624 p. (in Russ.)
- Нерознак В. П.** Реконструкция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 409–410.
Neroznak, V. P. Reconstruction. In: *Linguistic encyclopaedia*. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia, 1990, p. 409–410. (in Russ.)

¹ Pauli Orosii Historiae adversum paganos. URL: <http://www.attalus.org/latin/orosius1.html>

- Масленникова Е. М.** Лакунарные разрывы в диалоге культур: к пониманию сущности // Слово и текст: психоллингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А. А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. Вып. 8. С. 100–107.
- Maslennikova, E. M.** Lacunar gaps in the dialogue of culture: to the understanding of the main point]. In: *Word and text: psycholinguistic approach*. Tver, Tver State University, 2008, no. 8, p. 100–107. (in Russ.)
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Язык и национальная картина мира. 4-е изд., стереотип. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с.
- Popova, Z. D., Sternin I. A.** Language and national world picture. Moscow, Berlin, Direkt-media, 2015, 101 p. (in Russ.)
- Скржинская Е. Ч.** Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М.: Вост. лит., 1960а. С. 11–61.
- Skrzynskaya, E. Ch.** Jordanes and his «Getica». In: Jordan. Origin and deeds of the Getae. Getica. Moscow, Vostochnaya literatura, 1960, p. 11–61. (in Russ.)
- Скржинская Е. Ч.** Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М.: Вост. лит., 1960б. С. 185–364.
- Skrzynskaya, E. Ch.** Commentary [Commentary]. In: Jordan. Origin and deeds of the Getae. Getica. Moscow, Vostochnaya literatura, 1960, p. 185–364. (in Russ.)
- Тураева З. Я.** Лингвистика текста (Текст: структура и семантика): Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
- Turayeva, Z. Ya.** Text linguistics (Text: structure and semantics). Moscow, Prosveshcheniye, 1986, 127 p. (in Russ.)
- Introducción. In: Jordanes. Origen y gestas de los godos. Madrid, Juan Ignacio Luca de Tena, 2001, p. 4–35.
- Gillett, A.** The Goths and the Bees in Jordanes: A Narrative of no Return. Byzantine narrative. Papers in Honour of Roger Scott. Melbourne, The University Printing Service, 2006, p. 149–163.
- Mierow, Ch. Ch.** Introduction. In: The Gothic history of Jordanes. Princeton, Princeton University Press; London, Humphrey Milford; Oxford University Press, 1915, p. 1–50.
- Peeters, Ch.** Gotisches. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1980, Bd. 94, H. 1/2, S. 203–208.
- Scardigli, P. G.** Lingua e storia dei Goti. G. C. Sansoni (ed.). Firenze, 1964, 398 p.
- Swain, B.** Jordanes and Virgil: A case study of intertextuality in the GETICA. *The Classical Quarterly. New Series*, 2010, vol. 60, no. 1, p. 243–249.
- Søby, A.** Christiansen: Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. In: Studies in a Migration Myth. København, Museum Tusculanum Press, 2002, 391 p.
- Wrede, F.** Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg, Karl J. Trübner, 1891, VII + 208 S.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
16.11.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Трофимова Юлия Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (ул. Большевикская, 68/1, Саранск, 430005, Россия)

Yulia M. Trofimova, Doctor of Philology, Professor, Professor of English Philology Chair, Ogarev Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russian Federation)

primavera49@list.ru